

Н. Н. МАСЛЕННИКОВА

К истории создания теории «Москва — третий Рим»

(ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Н. Е. АНДРЕЕВА «ФИЛОФЕЙ И ЕГО ПОСЛАНИЕ
К ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ»)

Теория «Москва — третий Рим» изложена псковским старцем Филофеем в трех его посланиях: великому князю Василию Ивановичу, дьяку великого князя М. Г. Мисюрю-Мунехину и царю и великому князю Ивану Васильевичу.

Вопрос о датировке посланий важен не столько сам по себе, сколько в связи со всей идейной и общественной жизнью XV—XVI вв., так как теория «Москва — третий Рим» является важнейшим звеном в создании идеологии Русского централизованного государства. Ее нельзя отрывать от других звеньев этого процесса, от сложной ожесточенной идейной борьбы, породившей небывалое количество разноречивых, но значительных произведений, посвященных в конце концов одной и той же проблеме.¹

Недавно опубликованная в английском славистическом журнале статья Н. Е. Андреева вновь возвращает нас к датировке посланий Филофея.² Большинство исследователей признало, что послание Филофея к царю и великому князю Ивану Васильевичу всяя Руси адресовано Ивану Грозному и написано в 30—40-х годах XVI в. Н. Е. Андреев доказывает в статье, что послание это адресовано Ивану III и написано около 1500 г.

Если бы Н. Е. Андрееву удалось опровергнуть признанное большинством исследователей время написания послания Филофея, то это неизбежно повлекло бы за собой не только переосмысление многих памятников общественной мысли, но и всего процесса складывания идеологии централизованного государства. В таком случае теория «Москва — третий Рим» вошла бы в комплекс идеологических явлений конца XV—начала XVI в.

Статья Н. Е. Андреева заставляет обратиться к посланиям Филофея и еще раз проверить их датировку.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что в отличие от других зарубежных историков, видящих в Филофее провозвестника захватнических стремлений Русского государства, Н. Е. Андреев разделяет принятую в советской исторической науке оценку деятельности Филофея и политического значения теории Москва — третий Рим: «Несомненно, теория помогла облечь растущую власть Москвы все более увличивающимся духовным авторитетом, хотя она и не находила прямого выражения в действительной политической практике Московского государства».³

¹ Литературные памятники, связанные с новгородско-московской ересью, произведения Иосифа Волоцкого, публицистические произведения, созданные в кружке Геннадия Новгородского, Сказание о князьях владимирских, общественно-политические сочинения середины XVI в. и многие другие.

² N. Andreyev Filofey and his Epistle to Ivan Vasil'yevich. — The Slavonic and East European Review, vol. XXXVIII, № 90, December. London, 1959, стр. 1—31.

³ Там же, стр. 1—2, см. также стр. 25, 30—31.

В кропотливом исследовании, обнаруживающем знание современной литературы вопроса и основанном на большом количестве конкретных данных, автор стремится максимально учитывать историческую обстановку, исторический фон создания посланий Филофея.⁴ Однако историческую обстановку он понимает несколько ограниченно, наблюдая лишь внешние связи политических событий, не вникая в существо процесса, не учитывая очень важного компонента исторической обстановки — развития общественной мысли.

Н. Е. Андреев пересматривает датировку послания Филофея, предложенную в монографии В. Малинина «Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания»⁵ и принятую многими советскими историками литературы.⁶ Признание такой датировки Н. Е. Андреев объясняет не убедительностью доводов В. Малинина, а гипнозом его фундаментального труда.⁷

Упрекая В. Малинина в увлечении «литературной» точкой зрения, укаывая, что он в определении времени написания посланий руководствовался главным образом «развитием в них формы и идей»,⁸ Н. Е. Андреев впадает в другую крайность. Интерес к исторической обстановке в его понимании заслоняет существенно важный анализ текстов посланий, установление связи посланий Филофея с другими идеологическими документами эпохи и взаимосвязей между посланиями.

Нам представляется, что аргументы в защиту той или иной датировки следует искать прежде всего в тексте самих посланий. При этом предполагается учет исторической обстановки во всей ее полноте с наибольшим вниманием к развитию идеологии.

I

Прежде чем обратиться к тексту посланий Филофея, нам следует остановиться на целом ряде положений Н. Е. Андреева, на основании которых он считает необходимым пересмотреть вопрос об адресате и датировке послания Филофея царю и великому князю Ивану Васильевичу.⁹

1. Имя Филофея отсутствует в первой версии Жития основателя Елеазарова монастыря Евфросина, относящейся примерно к 1505 г. В. Малинин это объясняет малой известностью Филофея, который к этому времени не стал еще создателем теории Москва — третий Рим, т. е. не писал послания Ивану III.¹⁰

Н. Е. Андреев в этом вопросе присоединяется к Н. Серебрянскому, который видит цель первой версии Жития Евфросина, не являющейся чисто агиографическим произведением, в защите сугубой алллуйи.¹¹ Это обстоятельство кажется Н. Е. Андрееву вполне объясняющим отсутствие в Житии упоминания о Филофее, несмотря на достигнутую Филофеем к этому времени благодаря посланию Ивану III известность.¹²

⁴ Там же, стр. 29, 30.

⁵ В. М а л и н и н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.

⁶ Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV—начало XVII в. Под ред. А. Н. Насонова и др. М., 1955, стр. 171.

⁷ N. A n d r e y e v. Filofey and his Epistle to Ivan Vasil'yevich, стр. 30.

⁸ Там же, стр. 3.

⁹ См. это послание: В. М а л и н и н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, Приложения, стр. 57—66.

¹⁰ Там же, стр. 32, 376, 377.

¹¹ Н. С е р е б р я н с к и й. Житие преподобного Евфросина Псковского. (Первоначальная редакция). — ПДПИ, т. CLXXXIII СПб., 1909, стр. XVI.

¹² N. A n d r e y e v. Filofey and his Epistle to Ivan Vasil'yevich, стр. 5.

В. Малинин, рассматривая первую версию Жития Евфросина, также отмечал эти ее черты, однако они ему не показались достаточными для объяснения умолчания о Филофее.¹³ Соображения Н. Серебрянского ставят под сомнение точку зрения В. Малинина, но не опровергают ее, не «полностью подрывают аргумент В. Малинина», как полагает Н. Е. Андреев.

2. Во второй версии Жития Евфросина (1547 г.), в описании чуда с разбойником Василием Тесные Очи, упоминается игумен Филофей. Мнение В. Малинина, что речь идет об авторе теории Москва — третий Рим, убедительно.¹⁴ Однако из этого факта Н. Е. Андреев, воссоздавая биографию Филофея, делает выводы, с которыми нельзя согласиться. Филофей мог быть игуменом Елеазарова монастыря только в конце правления Василия III и начале правления Ивана IV,¹⁵ т. е. в пожилом возрасте. Н. Е. Андреев считает, что назначение Филофея игуменом монастыря предшествовала длительная, активная деятельность, а также написание всех посланий к великим князьям, так как именно они показали его исключительную образованность, широту взглядов, политическую позицию. По мнению Н. Е. Андреева, Филофей, будучи игуменом монастыря, уже не писал посланий великим князьям, в частности Ивану IV, так как в противном случае он был бы назван игуменом Филофеем в самом послании.¹⁶ Однако в большинстве посланий великим князьям Иосиф Санин, игумен Боровского, а затем Волоколамского монастырей, называется не игуменом, а преподобным старцем.¹⁷

3. Один из главных аргументов Н. Е. Андреева против датировки послания Ивану Васильевичу 30-ми годами — преклонный возраст Филофея к этому времени. Действительно, по всем соображениям, Филофею тогда было не меньше 70 лет. Не слишком ли Н. Е. Андреев сокращает творческий возраст одного из образованнейших людей того времени, отказывая ему в возможности развития творческой мысли в последние 40 лет жизни?¹⁸

Такой публицист и человек, каким был Филофей, не мог уйти от активной деятельности. Достаточно посмотреть послания его по случаю морового поветрия в Пскове, к неизвестному опальному вельможе, во Псков к «сущим в беде», Мисюрю-Мунехину против «звездочетцев и латин», чтобы убедиться в том, что Филофею были всегда свойственны широкие теоретические обобщения.¹⁹

Н. Е. Андреев пишет, что интересы Филофея постепенно перемещаются в сторону защиты угнетенных из сферы церковной идеологии.²⁰ Основанием для этого утверждения Н. Е. Андреева служит известная приписка анонимного автора к посланиям Филофея, в которой говорится о заступничестве Филофея за псковичей.²¹ Нам бы хотелось обратить внимание

¹³ В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, стр. 32, 376, 377.

¹⁴ Там же, стр. 32—35.

¹⁵ Там же, стр. 33, 34.

¹⁶ N. Andreyev. Filofey and his Epistle to Ivan Vasil'yevich, стр. 9

¹⁷ Послания Иосифа Волоцкого Подготовка текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.—Л., 1959, стр. 148, 149, 152, 154, 168, 173, 175 и др.

¹⁸ Иосиф Волоцкий (1439—1515 гг.) написал свой трактат, «яко не подобает святым божиим церквам и монастырям обиды творити», в 1507 г., 68 лет, а послание Василию III о еретиках — в 1511 г., 72 лет.

¹⁹ В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, Приложения, стр. 26—32, 7—24, 37—47.

²⁰ N. Andreyev. Filofey and his Epistle to Ivan Vasil'yevich, стр. 9.

²¹ В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, Приложения, стр. 25.

на другую сторону дошедшей до нас характеристики Филофея — автор характеристики пишет о «дерзости» Филофея «последи»: «...но последи много показа дерзновение к государю и моления о людех, тако же и бояром и наместником псковским и обличи их о многой неправде и насилуванні, не убоая смерти, великий же князь и велможи его, ведуще его дерзость и беспопечение о сем весе, не смеша ничтоже ему зла сотворити».²² При изучении посланий Филофея можно проследить, как его «дерзость» нарастает от послания к посланию (в принятой нами датировке) и достигает высшей степени в послании Ивану Васильевичу. Тон его — гневный и требовательный — значительно отличается от тона других посланий, содержащих многочисленные отступления, разнообразные способы убеждения и извинения за дерзость.

Послания Филофея нельзя разделить на послания, посвященные только теоретическим или только практическим вопросам. Блестяще сочетаются теоретические и практические вопросы в послании Филофея Мисюрю-Мунехину против «звездочетцев и латин».²³ Но ведь это послание написано Филофеем в пожилом возрасте, в 1528 г., как убедительно доказано Н. Е. Андреевым в рассматриваемой статье.²⁴ Новая датировка этого послания нами полностью принимается.

Невозможно предположить, чтобы Филофей в 30—40 лет выдвинул важнейшие теоретические положения «раз и навсегда», по словам Н. Е. Андреева, а остальные сорок лет жизни только упрощал их да использовал для практических целей достигнутое благодаря ранним трудам высокое общественное положение. Филофей — страстный, эмоциональный и смелый публицист, его взгляды развивались на протяжении всей его жизни.

4. Разбирая исторические события в Русском государстве вообще и в Пскове в частности, Н. Е. Андреев находит в них бесспорное и главное, по его мнению, доказательство того, что послание Ивану Васильевичу должно быть написано около 1500 г., так как в нем затронуты самые важные вопросы исторического момента.²⁵

Н. Е. Андреев считает, что Филофей должен был написать свое послание Ивану Васильевичу, посвященное защите церковной собственности, сразу после конфискации церковных земель в Новгороде в 1499 г. Это событие, по его мнению, «было непосредственным поводом выступления Филофея с его знаменитым посланием».²⁶ Представители псковских монастырей боялись распространения конфискаций на их собственные владения, тем более что Псков попадал во все более зависимое положение, и решили предотвратить эту опасность.

Н. Е. Андреев пишет, что вопрос о сохранении церковных земель был самым актуальным вопросом в 1500 г. как для всего русского духовенства, так и, в частности, для псковского. Так ли это было на самом деле?

По Н. Е. Андрееву, Филофей был «крайне осторожным идеологом, выдвинувшим только те идеи, которые уже пользовались доверием Ивана III», а его теория Москва — третий Рим была «разработана логично и осторожно».²⁷ На самом же деле обращаться к Ивану III с посланием, запрещающим церковную собственность, было преждевременно и неосторожно, так как позиции Ивана III относительно церкви были совершенно неясны, и, более того, до 1502 г., до удаления от двора

²² Там же.

²³ Там же, стр. 37—47.

²⁴ N. A n d r e e v. Filofey and his Epistle to Ivan Vasil'yevich, стр. 22—23.

²⁵ Там же, стр. 13—19.

²⁶ Там же, стр. 18.

²⁷ Там же, стр. 22.

Елены Волошанки с Дмитрием, можно было думать, что Иван III настроен враждебно по отношению к «обличителям ереси», к воинствующим церковникам. Но главное возражение Н. Е. Андрееву заключается в том, что вопрос о церковном землевладении нельзя считать самым злободневным для русской церкви к 1500—1501 гг.

В эти годы борьба с ересью достигла наибольшей остроты. Поэтому главным вопросом, вокруг которого разгорелась эта борьба, был вопрос о самом существовании монастырей. Следует согласиться с мнением Я. С. Лурье, который утверждает, что «еретики (в данном случае московские еретики) отвергали в принципе самый институт монашества, — секуляризация монастырских земель была в их программе естественным результатом уничтожения монастырей вообще».²⁸

Достаточно просмотреть произведения Иосифа Волоцкого этой поры, чтобы убедиться в том, что даже он — один из виднейших защитников церковного землевладения — до 1507 г. вопроса этого не поднимал.²⁹ Только в 1507 г. им был написан трактат в защиту церковных имуществ. Однако 1500—1501 гг. противники еретиков во главе с Иосифом Волоцким еще не были представителями официальной церкви и, более того, они враждебно относились к самой великокняжеской власти.³⁰

Вопрос о монастырских селах впервые был поднят на соборе 1503 г., причем великому князю не удалось добиться согласия собора на их секуляризацию.³¹ Постановка этого вопроса не была связана с еретиками, так как они к этому времени уже утратили свое влияние.

Ясное понимание роли Москвы и ее великого князя, присущее Филофею и нашедшее выражение в его теории, вряд ли могло сложиться около 1500 г. В таком случае Филофей в своем «промосковском» настроении намного опередил бы псковских летописцев, редактора Хронографа и авторов повестей «О Псковском взятии».

Говоря о важности вопроса о секуляризации монастырских земель для псковичей, Н. Е. Андреев обращает внимание на события 1499 г. в Пскове, связанные с протестом псковичей против назначения великим князем Новгородом и Пскова князя Василия.³² Псковичи требовали, чтобы у них был тот же великий князь, что и в Москве. По мнению Н. Е. Андреева, эти события показали псковичам, что их политическая независимость держится «на непрочной нити благоволения правителей Москвы».³³ Иными словами, события эти напомнили псковичам о возможности повторения судьбы Новгорода, а псковским церковникам — о возможности секуляризации церковных земель. На наш взгляд, события 1499 г. могли иметь несколько иной оттенок. Псковичи признавали себя «отчиной» великого князя, но протестовали против произвола и нарушения старины. Они еще надеялись сохранить традиционные отношения феодального Пскова с Москвой и избежать повторения судьбы Новгорода.

Итак, по нашему мнению, обстановка, сложившаяся в Русском государстве около 1500 г., а также развитие общественной мысли в это время де-

²⁸ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 208.

²⁹ А. А. Зимиин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 171; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.—Л., 1960, стр. 246—247.

³⁰ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения... стр. 195.

³¹ Послания Иосифа Волоцкого, стр. 322—326.

³² Псковские летописи, вып. I. М.—Л., 1941, стр. 83.

³³ N. Andreyev. Filofey and his Epistle to Ivan Vasil'evich, стр. 19.

лали маловероятным написание послания, посвященного защите монастырских земель.

5. В рассматриваемой статье Н. Е. Андреев возвращается к вопросу об отсутствии в послании Филофея упоминания о ереси жидовствующих. Умолчание о ереси жидовствующих для В. Малинина является одним из основных возражений против датировки, поддерживаемой Н. Е. Андреевым. Последний объясняет намеренное, по его мнению, умолчание о ереси боязнью включить в послание щекотливую тему, что могло бы помешать успеху решения основной задачи.³⁴

Догадку Н. Е. Андреева относительно боязни Филофея поднимать вопрос о ереси можно понять, но нельзя согласиться с тем положением, что после собора 1490 г. ересь официально считалась подавленной.³⁵ Борьба «обличителей ереси» с еретиками продолжалась непосредственно после собора и приняла еще более сложный и ожесточенный характер.³⁶

Умолчание о ереси жидовствующих в послании Филофея продолжает оставаться веским доводом в пользу нашей датировки. Если бы Филофей писал свое послание Ивану III около 1500 г., то стремление великого князя к секуляризации, несовместимое, по мнению Филофея, с положением главы православного мира, он должен был бы приписывать влиянию еретиков. В этом послании он изложил законченную теорию, вопросы поставлены резко и определенно: «Новыя же Русиа царство, аще и стоит верою в православии, но добрых дел оскудением и неправда умножися».³⁷ В перечень «неправд» он должен был бы включить и главную — распространение ереси.

6. Построенные на основании обширного материала рассуждения автора по поводу возможности применения титула «царь» к Ивану III бесплодны. Ивана III называли царем в исключительных случаях, и маловероятно, чтобы Филофей так назвал его до 1510 г., тем более что в Пскове должны были знать, какие политические осложнения последовали в Новгороде за неосторожным наименованием Ивана III титулом «государь».³⁸

Ко всему сказанному выше следует добавить, что в подробном и тщательном изложении Н. Е. Андреева иногда встречаются внутренние противоречия, которые ослабляют позиции автора. Основное доказательство необходимости пересмотра датировки послания Филофея Н. Е. Андреев видит в том, что вопросы, поднятые в послании Ивану Васильевичу, были актуальны около 1500 г. Филофей, по мнению Н. Е. Андреева, написал свое послание удачно и своевременно, «доказав раз и навсегда свою теорию», выдвинул только те идеи, которые пользовались доверием Ивана III.³⁹ Однако дальше Н. Е. Андреев пишет, что только после собора 1503 г. обнаружилось признание правительством основных положений послания, так как вопросы на соборе были решены в духе послания.⁴⁰ Значит, послание не было бы своевременным в 1500 г. В другом месте

³⁴ Там же, стр. 24.

³⁵ Там же.

³⁶ См. об этом: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения... стр. 129—132.

³⁷ В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, Приложение, стр. 64.

³⁸ См.: Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960, стр. 867—868.

³⁹ N. Andreyev. Filofey and his Epistle to Ivan Vasil'yevich, стр. 22.

⁴⁰ Там же, стр. 25, 30.

Н. Е. Андреев считает возможным предположить, что послание Филофея не было прочтено,⁴¹ во всяком случае Филофей не имел никаких оснований считать свою теорию признанной.

II

Основной материал, позволяющий считать, что послание Филофея адресовано Ивану IV, следует искать в самих посланиях Филофея. Обратимся к посланиям Филофея великому князю Василию Ивановичу, дьяку Мисюрю-Мунехину против «звездочетцев и латин» и царю и великому князю Ивану Васильевичу, в которых сформулирована теория Москва — третий Рим.

В послании великому князю Василию Ивановичу, написанном, вероятно, около 1511 г., основное внимание обращается на искажение крестного знамения, вдовство епископий, повреждение нравов в среде духовенства.⁴² Несколько строк посвящено защите церковного землевладения. Большое место в послании занимает теория третьего Рима, изложенная живо, просто и непосредственно. Послание не содержит сложных доказательств закономерности перехода третьего Рима в Москву, но стремится внушить великому князю мысль о его высоком назначении, Филофей умоляет великого князя прислушаться к его словам. Послание имеет скорее эмоциональный, чем логический, характер. Филофей вновь и вновь возвращается в этом послании к третьему Риму: «...и да весть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христианския веры снидошася в твое едино царство, един ты во всей поднебесной христианом царь... еже выше писах, внимай господя ради, яко вся христианская царства снидошася в твое царство, просем чаем царь царства, ему же несть конца»⁴³ — и, наконец, дает формулировку, ставшую классической: «...якоже выше писах ти и ныне глаголю: блуди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царства снидошася в твое едино, яко два Рима падоша, а третьей стоит, а четвертому не быти».⁴⁴ В этом послании говорится о «твоем царствии», но не о Москве, Москва — третий Рим появится в следующих посланиях. Термина «Русия» также еще нет в послании Василию Ивановичу. Послание написано в доброжелательном, оптимистическом и даже несколько восторженном тоне. Эта особенность послания Василию Ивановичу тем более замечательна, что в послании отражаются взгляды псковича вскоре после присоединения Пскова к Русскому централизованному государству. Именно это послание должно было привлечь внимание великого князя и его администрации в Пскове на выдающегося публициста.

Послание дьяку великого князя Мисюрю-Мунехину, написанное в 1528 г., направлено против «звездочетцев и латин»; здесь доказывается неправильность предлагаемого католиками способа летоисчисления и их утверждения о влиянии звезд на судьбу людей и государств.

В этом послании Филофей излагает свои взгляды на вопросы, занимавшие все образованное русское общество в связи с пропагандой астрологических теорий Николаем Булевым и заинтересовавшие Мисюря-Мунехина, который обратился к Филофею за их разъяснением. Филофей создает свою теорию мироздания на основании обширной канонической и апокрифической литературы, обнаруживая прекрасное знание древнерус-

⁴¹ Там же, стр. 22, 25.

⁴² В. М а л и н и н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, Приложения, стр. 49—56.

⁴³ Там же, стр. 50, 54.

⁴⁴ Там же, стр. 54, 55.

ской переводной литературы. Именно в этом послании при изложении схемы, разоблачающей взгляд латинян на мир, Филофей счел уместным продемонстрировать воплощение идеи божественного промысла в истории избранных народов и перешел к подробнейшему разъяснению теории Москва — третий Рим. Возможно, Мисюрь-Мунехин в послании к Филофею и не спрашивал этих разъяснений, но Филофей воспользовался случаем, чтобы ее доказать, основное внимание уделив отношению к латинству и объяснению причин падения первого и второго Римов: «... девятнадцать лет, како греческое царство разорися и не созижется, сия вся случися грех ради наших. Понеже они предаша православную греческую веру в латынство. И не дивися, избранниче божий, яко латыни глаголют: наше царство ромейское недвижимо пребывает, аще быхом не праве веровали, не бы господь снабдел нас, не подобает нам внимати прелестем их, воистину суг еретици, своєю волею отпадше от православныа христианскиа веры паче же опресночнаго ради служения, беша с нами в соединении сем сот и 70...», во аполинариеву ересь впадше, прелщени Карулом царем и папою Формосом». ⁴⁵ Изложение теории в этом послании полемически заострено, и сама теория находит здесь наиболее полное выражение: «... мала некаа словеса изречем о нынешнем православном царствии пресветлейшаго и высокостолнейшаго государя нашего, иже во всей поднебесной единого христианом царя и брододержателя святых божиих престол святыха вселенския апостолския церкви, иже вместо римской и константинопольской, иже есть в богоспасаемом граде Москве святая и славная успения пречистыа богородица, иже едина в вселеней паче солнца светится. Да вси, христороубче и боголюбче, яко вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам то есть росейское царство. Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». ⁴⁶ В этом послании называются уже «Росейское царство», Москва и Успенский собор, а в послании великому князю Василию Ивановичу говорилось только о «твоем царстве». Так как Филофей привел пространное и, по его мнению, убедительное доказательство теории, то он счел возможным затем ограничиться кратким, упрощенным и даже несколько искаженным изложением видения Апокалипсиса.

Следует согласиться с мнением Н. Е. Андреева, считающего данное послание наиболее интересным. ⁴⁷ Именно этим объясняется, по-видимому, то обстоятельство, что до нас дошло наибольшее количество списков этого послания Филофея. Но, по концепции Н. Е. Андреева, именно это послание было написано последним, а значит, оно должно было бы быть наименее оригинальным по содержанию.

В послании царю и великому князю Ивану Васильевичу главными вопросами являются церковное землевладение и симония, в туманных выражениях, рассчитанных на посвященного, упоминается о содомии. Послание сложно, пространно, лишено непосредственных обращений, конкретных замечаний. Но если бы это послание было написано раньше других, как предполагает Н. Е. Андреев, то оно должно было бы быть максимально убедительным и доходчивым (ведь в таком случае это было бы первое изложение Филофеем его теории).

Это послание в большей своей части несамостоятельно и составлено из отрывков канонических произведений. Филофею в нем принадлежит только изложение теории Москва — третий Рим, резко отличающееся от ее изложения в других посланиях. Филофей включил теорию в собствен-

⁴⁵ Там же, стр. 41, 42.

⁴⁶ Там же, стр. 45.

⁴⁷ N. Андреев. Filofey and his Epistle to Ivan Vasil'yevich, стр. 28.

ное пространное толкование видения из Апокалипсиса. Не прибегая к доказательству правильности своей теории, он в этом случае ограничился ссылкой на высший авторитет — предсказания Апокалипсиса. Автор послания на этот раз не старается расположить к себе государя, не убеждает, не призывает, не пытается понятно изложить свои взгляды, не полемизирует. Постановка вопроса в этом послании наиболее богословская, наименее публицистическая. Тон послания сухой, предостерегающий и «дерзновенный». Полное представление об этом тоже дает лишь прочтение всего послания, однако показательными являются и отдельные выражения: «Видиши ли, яко вся царства потопишася неверием, новыя же Русиа царство, аще и стоит верою в православии, но добрых дел оскудением и неправда умножися»⁴⁸ или: «Да не будет дивное се жилище безакония наполнено». Показательно и введение к посланию, говорящее о людях, которые «иже верою крещени мнящеся, дела же отмещутся, утуждени же иже не токмо сами не хотяще праведно жити, но иже по бозе живущих крепче ратующе», и предупреждающее: «... не твори тако, якоже они безаконнии, погибел бо их ведома будет всем». Именно в этом послании Филофей использует правила V собора: «... аще же и самый венец носящий тако творити начнут, надеющеся на богатство и на благородие, не покарятися начнут, не отдающе их же обидеша, преждереченною виною повинни да будет, по святых же правилех да будут прокляти».⁴⁹ Филофей предупреждает о тяжелых последствиях, которые влечет за собой нарушение заповедей святых отцов: «... не разсея ли ны бог по лицу всея земля, не взяты ли быша грады наша, не падоша ли силныя князи наша остреем меча, не запустеша ли святыа божиа църькви, яко же в царствующем граде содеяся, не томими ли есми от безбожных поган, не поведени ли быша в плен чада наша».

Сама теория в этом послании излагается как бы между прочим. Православная църковь — «жена» «паки в третий Рим бежа, иже есть в новую великую Русию ... и едина ныне святая соборная апостолская църковь восточная паче солнца во всей поднебесней светится и един православный великий Руский царь ... новыя же Русиа царство аще и стоит верою в православии».⁵⁰ Создается впечатление, что речь идет об известных сюжетах.

Филофей посланием великому князю Василию Ивановичу доказал широту своих взглядов, признание великой роли Москвы, дал краткую формулировку теории третьего Рима сразу после событий 1510 г. Образованный, разносторонний и дальновидный М. Г. Мисюрь-Мунехин убедился в его эрудиции и лояльности по отношению к великим князьям, высоко оценил значение его творчества, а затем стал привлекать его к обсуждению важнейших теоретических и практических вопросов, поощрял его публицистическую деятельность, способствовал росту его известности и усилению влияния на великих князей.

Послание царю и великому князю Ивану Васильевичу могло быть написано Филофеем в конце его творчества, когда он был уже знаменит и влиятелен. Его прежние заслуги давали ему право обратиться к новому правительству с суровым предостережением, которое касалось положения не только в Пскове, но и во всем государстве.

Иную последовательность в написании посланий трудно было бы объяснить. Мог ли Филофей писать Ивану III, еще не будучи крупной

⁴⁸ В. Мал и н и н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, Приложение, стр. 63, 64.

⁴⁹ Там же, стр. 58, 59.

⁵⁰ Там же, стр. 62—64.

фигурой, в таком тоне? Мог ли Филофей в том случае, если бы он написал свое послание Ивану III, после 1510 г. резко изменить отношение к великому князю (ведь события 1510 г. в Пскове вызвали сложные чувства у сторонников присоединения к Москве), вступить с ним в переписку, доброжелательно и смиренно убеждать его обратить внимание на значение «третьего Рима», о котором он впервые заговорил почему-то в момент, когда его отношения с «венец носящими» были наименее дружественными?

Правда, обращаясь к творчеству других писателей XV—начала XVI в., мы вспоминаем, что Иосиф Волоцкий сначала был настроен против великокняжеской власти, а затем стал ее поддерживать. Быть может, и Филофей после 1510 г. стал лучше относиться к великокняжеской власти, удивившись в сохранности псковских владений? Но послание Ивану Васильевичу, несмотря на свой предостерегающий тон, написано не врагом царской власти, а человеком, который не только ее признает, но и доказывает ее высокое призвание. Кроме того, после 1510 г. вопрос о церковном землевладении в Пскове снят не был, поэтому у Филофея не было оснований поддерживать Василия III больше, чем его отца, Ивана III.

Дополнительный материал в пользу нашей датировки послания Ивану Васильевичу дает сравнение послания со «Словом кратким»,⁵¹ написанным в кружке Геннадия Новгородского, накануне конфискации монастырских земель в Новгороде в 1499 г.⁵²

Если принять предположение Н. Е. Андреева, что послание Филофея написано Ивану III, то оно должно быть близко «Слову кратко», так как написано в одно и то же время, в одной и той же среде, посвящено защите церковной собственности. Однако эти произведения существенно отличаются друг от друга по содержанию, направленности, тону, использованным источникам. «Слово кратко» проникнуто идеей превосходства духовной власти над светской, призывом к сопротивлению светским властям, в то время как Филофей является сторонником сильной власти царя — главы православного мира. Трудно представить более различные произведения, посвященные одному вопросу. Они могли быть написаны только в иное время и в иной исторической обстановке.

Мысль о причинах падения второго Рима — Константинополя развивается в посланиях Филофея в той же последовательности, что и сама теория: от послания великому князю Василию Ивановичу к посланию Мисюрю-Мунехину и дальше к посланию царю и великому князю Ивану Васильевичу.

Только в послании Василию Ивановичу падение Константинополя — второго Рима объясняется завоеванием турками: «агаряне внуцы секирами и оскордми разокоша двери».⁵³

Послание Мисюрю содержит уже другое объяснение: «девятдесят лет како греческое царство разорися и не созижеться, сия вся случися грех ради наших. Понеже они предаша православную гречскую веру в латынство».⁵⁴ Более того, в этом послании Филофей отказывается от своего первоначального объяснения, сам с собой полемизирует. Дело вовсе не в том, говорит он, что Константинополь завоеван турками, а в том, что греческая вера предана в латынство: «... аще убо агарины внуцы грече-

⁵¹ «Слово кратко» в защиту монастырских имений.— ЧОИДР. М., 1902, кн. 2. отд. II.

⁵² Послания Иосифа Волоцкого, стр. 49, 50.

⁵³ В. М а л и н и н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, Приложения, стр. 50.

⁵⁴ Там же, стр. 41, 42.

ское царство приаща, но веры не повредиша, ниже насилствуют грекам от веры отступати». ⁵⁵ Поэтому оба Рима пали по одной и той же причине — из-за измены православию, хотя первый Рим неверные не завоевывали: «... аще убо великого Рима стены и столпове и трикровныя полаты не пленены, но душа их от диавола пленены быша опреснок ради». ⁵⁶

В послании царю и великому князю Ивану Васильевичу, написанном весьма обстоятельно, падение второго Рима объясняется только этой, наиболее важной причиной: отступлением от православия, а не завоеванием Константинополя, о котором нет даже упоминания. Гибель произошла «соединения их ради с латынею на осмом соборе и оттоле константинопольскаа церькви разрушися и положися в поппание яко овощное хранилище». ⁵⁷

Если предположить, как это делает Н. Е. Андреев, что первым посланием Филофея было послание к Ивану III, наиболее точно сформулировавшее теорию Москва — третий Рим, то совершенно необъяснимым оказывается определение причины падения второго Рима, данное Филофеем в послании Василию Ивановичу.

В таком случае послание Василию Ивановичу было бы написано Филофеем в период расцвета его творчества, между двумя посланиями, объясняющими падение второго Рима только одной причиной — изменой православию (в первом послании причина падения Рима — отступление от православия, во втором — завоевание турками, а в третьем — опять отступление от православия). В начале своей литературной деятельности, согласно схеме Н. Е. Андреева, Филофей выступал, таким образом, как резкий противник «латинства» (хотя в этот период, судя по «Слову кратку», воинствующие церковники были скорее склонны к сближению с «латинами»); ⁵⁸ затем почему-то (в послании Василию III) упростил свою теорию, отказался от разоблачения «латинства», а впоследствии (в послании Мисюрю) стал снова его разоблачать. При этом на отказ от упреков «латинам» и «олатинившимся» грекам Филофей пошел, согласно этой схеме, при изложении вопросов церковной практики (исправление крестного знамения и т. д.), когда было бы уместно напомнить князю о важности чистоты веры и упомянуть о «латинстве», если бы эта тема уже однажды интересовала Филофея.

По нашему же мнению, такая трактовка вопроса о причинах падения второго Рима в послании Филофея Василию Ивановичу объясняется единственно тем, что в этом послании приводился ее первоначальный вариант.

В то время вопрос о «латинстве» еще не занимал Филофея, его мысль о переходе третьего Рима в Москву носила общий характер, важнее были вопросы, ради которых было написано послание. Но позднее Филофей должен был обратиться к дальнейшей разработке темы «латинства», о чем говорит послание Мисюрю-Мунехину, написанное в ответ на просьбу разъяснить некоторые взгляды «звездочетцев и латин». В 30-е годы XVI в. проблема «латинства» стояла остро в связи с обсуждением деятельности и взглядов Николая Булева.

Нашей датировке не противоречит и характер толкования видения из Апокалипсиса в посланиях Филофея. Еще В. Малинин убедительно до-

⁵⁵ Там же, стр. 43.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, стр. 63.

⁵⁸ Послания Иосифа Волоцкого, стр. 45—50

казал, что краткая редакция толкования, помещенная в послании Мисюрю-Мунехину, является первоначальной.⁵⁹

Принимая нами датировка послания Филофея Ивану Васильевичу вполне согласуется и с исторической обстановкой того периода, когда послание, по нашему мнению, было написано.

Доказывая, вопреки В. Малинину, что вопросы, поставленные в послании Ивану Васильевичу, могли быть актуальны при Иване III, Н. Е. Андреев совсем не поставил вопроса о том, насколько актуальны были те же вопросы в 30-х годах XVI в.

А между тем вопрос о монастырском землевладении, поднятый на соборе 1503 г., оставался предметом ожесточенной борьбы в течение XVI в. (решался он и на Стоглавом соборе).

Уже В. Малинин, присоединяясь к соображениям А. С. Павлова, считал, что поводом к написанию послания Филофея Ивану IV были борьба правительства в 1535 г. с ростом монастырского землевладения, а также конфискация земель новгородских церквей и монастырей в 1536 г.⁶⁰ Правительство Елены Глинской распорядилось: в Новгороде «пожни у всех монастырей отняти и отписать около всего града и у церквей божиих во всем граде и давати их в бразгу, что которая пожня стоит там же монастырем и церковникам».⁶¹ Борьба русского правительства 30-х годов XVI в. с ростом монастырского землевладения и привилегиями духовных феодалов отмечается и А. А. Зиминым.⁶² При этих обстоятельствах вполне вероятно написание Филофеем послания, посвященного защите церковных имуществ.

Любопытные наблюдения можно сделать, сравнивая послание Филофея Ивану Васильевичу с «Писанием» митрополита Макария Ивану IV, старшая редакция которого опубликована Г. Н. Моисеевой.⁶³ Та часть послания, которая посвящена защите церковных владений, самостоятельна, это было отмечено еще В. Малининым.⁶⁴ Она полностью совпадает с вводной частью «Писания» митрополита Макария великому князю Ивану Васильевичу от слов «се пологание писанием предаемъ» до слов «по святых же правилех да бедет прокляти в сий век и в будущий».⁶⁵

О взаимозависимости послания Филофея и «Писания» митрополита Макария говорить не приходится, так как совпадающие в этих произведениях части восходят к более древним источникам.⁶⁶ Г. Н. Моисеева считает вероятным, что именно в этой части «Писание» митрополита Макария является извлечением из трактата Иосифа Волоцкого в защиту церковных

⁵⁹ В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, стр. 440—441.

⁶⁰ А. С. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. I, Одесса, 1871, стр. 102—103; В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, стр. 646.

⁶¹ А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи. — ЧОИДР. М., 1904, кн. 1, стр. 155.

⁶² А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века. Соцэкгиз, М., 1960, стр. 232.

⁶³ Г. Н. Моисеева. Старшая редакция «Писания» митрополита Макария Ивану IV. — ТОДРА, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 466—472.

⁶⁴ В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, стр. 648.

⁶⁵ Там же, Приложения, стр. 58—59; Г. Н. Моисеева. Старшая редакция «Писания» митрополита Макария Ивану IV, стр. 408.

⁶⁶ В. Малинин убедительно доказал, что Филофей и Иосиф Волоцкий использовали подложное правило на «обидящих святые церкви» V вселенского собора, которое помещалось в Кормчей или Намоканоне, хорошо известный в XV в. новгородцам, а также и волоцкому князю (В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, стр. 648—652).

богатств, написанного в 1507 г. По мнению Г. Н. Моисеевой, «Писание» митрополита Макария составлено ранее 1547 г., так как адресовано оно «великому князю Ивану Васильевичу» и свидетельствует о том, что вопрос о секуляризации монастырских земель ставился правительством Ивана IV задолго до Стоглавого собора 1551 г.⁶⁷ Митрополит Макарий своим «Писанием» доказывал законность церковных владений, ссылаясь в ряду других источников и на те, которые включены в послание Филофея, хотя и через трактат Иосифа Волоцкого. И митрополит Макарий, и Филофей писали об одном и том же, одному адресату, использовали правило V вселенского собора, но дальше пошли разными путями. Митрополит Макарий усиливал свои доказательства новыми ссылками на святых отцов, а Филофей решил прибегнуть к другому способу — еще раз показать государю всея Руси всемирное значение Русского государства, напомнить ему о третьем Риме.

Приведенный материал показывает еще раз, насколько своевременным было написание послания именно в начале правления Ивана IV. Не утратили своего значения и вопросы о симонии и содомии, так как они также обсуждались на Стоглавом соборе.

Мы возвращаемся, таким образом, к выводу, что послание Филофея царю и великому князю Ивану Васильевичу адресовано Ивану IV и написано в начале его правления. Историческая обстановка в России, основные этапы в развитии общественной мысли и развитие творчества Филофея делают рождение теории Москва — третий Рим своевременным в первой половине XVI в.

Изучение теории Москва — третий Рим в комплексе произведений общественной мысли XVI в. — задача будущего.

⁶⁷ Г. Н. Моисеева. Старшая редакция «Писания» митрополита Макария Ивану IV, стр. 467.